

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ СТИХИЙНОГО ПОВЕДЕНИЯ

The article reveals two basic concepts of the main forms of spontaneous behaviour: mass panic and mass aggression.

Одним из наиболее заметных и политически важных видов поведения толпы является *паника* — эмоциональное состояние, возникающее как следствие либо дефицита информации о какой-то пугающей или непонятной ситуации, либо, напротив, как следствие ее избытка и проявляющееся в импульсивных действиях. Соответственно, на основе паники возникают панические толпы со специфическим поведением.

В общепринятом смысле под «паникой» как раз и понимают массовое стихийное поведение. Об этом напоминает и происхождение термина: слово «паника», почти идентичное во многих языках, происходит от имени греческого бога Пана, покровителя пастухов, пастбищ и стад. Его гневу приписывалась «паника» — безумие стада, бросающегося в пропасть, огонь или воду без видимой причины. «Начинаясь внезапно, это безумие распространялось с пугающей быстротой и влекло всю массу животных к гибели. Спасаящаяся толпа представляет собой типичный случай панического поведения. Известны также многочисленные случаи панического поведения и вне толпы, например, биржевая паника... Иногда эти случаи определяют как панический ажиотаж, которым обозначается массовое возбуждение, сопровождаемое лихорадочной деятельностью, направленной на избавление от возможной опасности» («Социальная психология», 1975).

К условиям возникновения паники относятся следующие:

1. Ситуационные условия. Вероятность развития массовых панических настроений и панических действий возрастает в периоды обострения текущей ситуации. Когда люди ожидают каких-то событий, они становятся особенно восприимчивыми ко всякого рода пугающей информации.

2. Физиологические условия. Усталость, голод, алкогольное или наркотическое опьянение, хроническое недосыпание и т. п. ослабляют людей не только физически, но и психически, снижают их способность быстро и правильно оценивать положение дел, делают их более восприимчивыми к эмоциональному заражению и за счет этого снижают пороги воздействия заразительности, повышая вероятность возникновения массовой паники.

3. Психологические условия. К ним относятся неожиданность пугающего события, сильное психическое возбуждение, крайнее удивление, испуг.

4. Идеологические и политико-психологические условия. Сюда относятся нечеткое осознание людьми общих целей, отсутствие эффективного управления и, как следствие, недостаточная сплоченность группы. Реальная практика, а также многочисленные экспериментальные исследования показали, что от этой группы условий в значительной мере зависит, сохранит ли общность целостность, единство действий в экстремальной ситуации или распадется на панический человеческий конгломерат, отличающийся необычным, вплоть до эксцентричным, поведением каждого, разрушением общих ценностей и норм деятельности ради индивидуального спасения.

Многочисленные эксперименты американских исследователей показали, что в неосознающих общность целей, слабо сплоченных и структурированных группах паника провоцируется минимальной опасностью (например, даже опасностью потерять несколько долларов или получить слабый удар током). Напротив, ситуации естественного эксперимента (война, боевые действия) демонстрируют высокие уровни сплоченности специально подготовленных, тренированных и объединенных общими ценностями (например, патриотизм) и нормами общностей людей.

Для того чтобы привести к настоящей панике, стимул должен быть либо достаточно интенсивным, либо длительным, либо повторяющимся (взрыв, сирена, серия гудков и т. п.). Он должен привлекать к себе сосредоточенное внимание и вызывать реакцию подчас неосознанного, животного страха. Первый этап реакции на такой стимул — потрясение, ощущение сильной неожиданности и восприятие ситуации как кризисной, критической и даже безысходной. Второй этап реакции — замешательство, в которое переходит потрясение, и индивидуальные беспорядочные попытки как-то понять, интерпретировать произошедшее событие в рамках прежнего, обычного личного опыта или путем лихорадочного припоминания аналогичных ситуаций из чужого, заимствованного опыта. Когда необходимость быстрой интерпретации ситуации становится острой и требует немедленных действий, именно это ощущение остроты часто мешает логическому осмыслению происходящего и вызывает страх. Первоначально страх обычно сопровождается криком, плачем, двигательной

ажитацией. Если этот страх не будет быстро подавлен, то по механизму циркулярной реакции и эмоционального кружения развивается третий этап. На этом этапе страх одних отражается другими, что в свою очередь еще больше усиливает страх первых. Усиливающийся страх снижает уверенность в коллективной способности противостоять критической ситуации и создает смутное ощущение обреченности. Завершается все это действиями, которые представляются людям, охваченным паникой, спасительными. Хотя на деле они могут совсем не вести к спасению: это этап «хватания за соломинку», и в итоге все равно оборачивающийся паническим бегством. Разумеется, за исключением тех случаев, когда бежать просто некуда. Тогда возникает подчеркнуто агрессивное поведение: известно, как опасен бывает «загнанный в угол» даже самый трусливый зверь.

«Панику обычно характеризуют как индивидуалистическое и эгоцентрическое поведение. Это... справедливо в том смысле, что целью такого поведения служит попытка личного спасения, которая не укладывается в признанные нормы и обычаи. Однако паника – это одновременно и массовое поведение, поскольку при ее возникновении осуществляют свое действие механизмы циркулярной реакции, внушения и психического заражения – характерные признаки многих видов стихийного массового поведения» («Социальная психология», 1975).

Внешне паника заканчивается обычно по мере выхода отдельных индивидов из этапа всеобщего бегства. Всеобщая усталость останавливает любые действия и эмоциональные переживания. Но паническое поведение не обязательно завершается бегством от опасности. Обычные следствия паники – либо усталость и оцепенение, либо состояние крайней тревожности, возбудимости и готовности к агрессивным действиям. Реже встречаются вторичные проявления паники.

Оценивая весь цикл панического поведения, надо иметь в виду следующее. Во-первых, если интенсивность первоначального стимула очень велика, то все предыдущие этапы могут как бы «свертываться». Это продемонстрировала паника в Хиросиме и Нагасаки после атомных бомбардировок. Внешне предшествующих этапов может вообще не быть – тогда массовое бегство становится непосредственной реакцией на панический стимул.

Во-вторых, словесное обозначение пугающего стимула в условиях его ожидания может само по себе непосредственно вызвать реакцию страха и панику даже до его появления. Так, страхом и паническим бегством реагировали солдаты в первую мировую войну на один только крик: «Газы!».

В-третьих, всегда надо принимать во внимание ряд специфических факторов: общую социально-политическую обстановку, в которой происходят события, характер и степень угрозы, глубину и объективность информации об этой угрозе и т. д. Это имеет большое значение для прекращения или даже предотвращения паники.

Воздействие на паническое поведение, в конечном счете, представляет собой всего лишь частный случай социально-психологического влияния на массы. Здесь работает общее по отношению к любой толпе правило: снизить интенсивность эмоционального заражения, вывести человека из гипнотического влияния данного состояния и рационализировать, индивидуализировать его психику.

Однако в случае паники есть и некоторые специфические вопросы. Во-первых, это вопрос о том, кто станет образцом для подражания толпы. После появления угрожающего стимула (звук сирены, клубы дыма, первый толчок землетрясения, первые выстрелы или разрыв бомбы) всегда остается несколько секунд, когда люди оценивают произошедшее и готовятся к действию. Здесь им можно и нужно «подсунуть» желательный пример для вполне вероятного подражания. Кто-то должен крикнуть: «Ложись!», или «К шлюпкам!», или «По местам!». Соответственно, те, кто исполняют эту команду, становятся образцами для подражания. Жесткое управление людьми в панические моменты – один из самых эффективных способов ее прекращения.

Во-вторых, в случаях паники, как и массового стихийного поведения вообще, особую роль играет ритм. Стихийное – значит, неорганизованное, лишенное внутреннего ритма поведение. Если такого «водителя ритма» нет в самой толпе, он должен быть задан извне. Широко известность приобрел случай, произошедший в 1930-е гг. после окончания одного из массовых митингов на Зимнем велодроме в Париже. Люди, ринувшись к выходу, начали давить друг друга, и все было готово к трагическому концу. Однако в проеме лестницы случайно оказалась группа приятелей-психологов, которые, сообразив, что может сейчас начаться, начали громко и ритмично скандировать потом уже ставшее знаменитым: «Не толкай!». Скандирование данного лозунга-приказа было мгновенно подхвачено большинством присутствовавших, и паника прекратилась.

Не менее заметным и иногда даже более опасным видом поведения толпы является стихийная агрессия, обычно определяемая как массовые враждебные действия, направленные на причинение страдания, физического или психологического вреда или ущерба либо даже на уничтожение данной массой (толпой) других людей или общностей. Психологически за

внешней стихийной агрессией (разрушительным поведением) всегда стоит внутренняя агрессивность – эмоциональное состояние, возникающее как реакция на переживание непреодолимости каких-то барьеров (например, социально-политических) или недоступность чего-то желанного. Именно высоким эмоциональным накалом стихийная агрессия отличается от агрессии организованной, при которой солдаты атакующей армии, например, вполне могут не испытывать сильных эмоций к своим противникам, даже убивая их. На практике стихийная агрессия всегда сопровождается еще и дополнительными сильными эмоциями негативного комплекса типа гнева, враждебности, ненависти и т. п. Впрочем, в психологии существует несколько десятков различного рода теорий, объясняющих те или иные аспекты агрессивности, – от врожденных биологических инстинктов до специальных форм социального научения, необходимых для успешной социальной адаптации в нашем сложном мире.

Для нас важно, что на основе агрессивности и агрессии в истории и современности периодически возникали и возникают агрессивные толпы с весьма специфическим поведением. Если войны обычно вели организованные армии, то восстания и революции совершали именно агрессивные толпы. В общепринятом смысле под «агрессией» как раз и понимают массовое агрессивное поведение толпы. Один из исследователей данной темы Дж. Роуэн определял агрессию как «неприкрыто насильственную, угрожающую, преднамеренную и не подчиняющуюся нормам силу», действия которой не спровоцированы аналогичными, противоречат обычаям, закону, ценностям» (Rowan, 1978).

Согласно принятым в западной цивилизации воззрениям, теоретически каждый человек должен иметь право на самоутверждение, а лишенный его – на самозащиту, чтобы восстановить чувство своей значимости, необходимое для нормального существования. Блокирование права на самозащиту ведет к агрессивности, особенно если оно длительно (как это часто бывает, например, в отношении к национальным меньшинствам). В результате агрессии человек вторгается в сферу власти или престижа, или на территорию другого человека и частично захватывает то, что удастся. Если же агрессия блокирована, спираль ее принимает еще более крутую форму, взрыв насилия происходит по причинам, прежде всего психологическим, приобретая подчас экстатический характер, когда восстание становится для его участников самоцелью (как это было, например, весной 1968 г. во Франции).

Как показывают исследования современных массовых беспорядков, волнений и восстаний,

«важнейший лежащий в их основе фактор – чувство полного блокирования всех надежд» (Rowan, 1978). Тот же Дж. Роуэн приводит достаточно типовую схему событий на примере расовых волнений в негритянском гетто в пригороде Лос-Анджелеса. Факторы, предшествующие агрессии в таких случаях, известны. Это постоянная и массовая безработица одних, неинтересная и низкооплачиваемая работа других, напряженные отношения между населением гетто и полицией. Известна и динамика развития конфликта: незаконное требование полицейского к подозреваемому, его отпор, поддержанный группой близких ему людей. Затем – вступление в действие дополнительного наряда полиции, превращение группы в толпу, а локального сопротивления властям – в восстание. Далее оно охватывает уже весь район со всеми присущими восстанию атрибутами. Вывод исследователя таков: «Какое-либо действие, любое действие должно было, в конце концов, показать, что здесь человеческие существа, а не роботы» (Rowan, 1978).

К условиям возникновения агрессии исследователи обычно относят: физиологические условия – алкоголь, наркотики; психологические условия – уже упоминавшееся ощущение фрустрации, «невозможности исполнения никаких надежд»; ситуационные условия в виде наличия лидеров, подходящих средств проявления агрессии (пресловутый «булыжник – орудие пролетариата») и т. п.; провокационные действия властей или их отдельных представителей, которые иногда могут спровоцировать агрессию.

Для развития агрессии обычно требуются: некоторый конкретный повод, подчеркивающий психологическую безнадежность ситуации для людей; люди, готовые поддержать это ощущение безнадежности, но одновременно «качнуть» толпу против тех, кто в этом может быть обвинен; конкретный объект агрессии – представитель власти, угнетающего большинства или просто символ властного института.

Примерно эти условия совпали осенью 2000 г. в Белграде, когда Конституционный суд объявил недействительными итоги выборов, на которых проиграл С. Милошевич. Собравшаяся перед парламентом оппозиционная и поначалу мирная толпа быстро стала агрессивной, смела полицейское ограждение и, по сути, осуществила революцию.

Среди наиболее важных для нашего понимания вариантов агрессивного поведения толпы рассмотрим экспрессивную, импульсивную, аффективную, враждебную и инструментальную агрессию. Из самого названия понятно, что *экспрессивная агрессия* – это устрашающе-агрессивное поведение, главной целью которого является выразить и обозначить свои потен-

циально агрессивные намерения, запугать оппонентов. Это не всегда и не обязательно выражается в непосредственно разрушительных действиях. Классические примеры экспрессивной агрессии – ритуальные танцы, военные парады, различного рода массовые шествия типа широко использовавшихся в свое время в разных странах ночных факельных шествий.

Импульсивная агрессия – обычно спровоцированное в результате действия какого-то фактора, мгновенно возникающее и достаточно быстро проходящее агрессивное поведение. Такая агрессия может носить прерывистый («импульсный») характер, возникая как бы «волнами», в виде своеобразных «приливов» и «отливов» агрессивного поведения.

Аффективная агрессия – чисто эмоциональный феномен, практически полностью лишенный действенного компонента. Этим она отличается от экспрессивной формы агрессивной толпы. Аффективная агрессия, как правило, представляет собой наиболее впечатляющий, но и самый бессмысленный вид агрессии. В состоянии аффективной агрессии толпы нападающих повстанцев, например, могут разбиваться о хорошо организованную оборону властей и будут обречены на поражение. Это то, что иногда называется «агрессивным ажиотажем» – особое состояние, требующее немедленных, любой ценой, жертв и разрушений. Как правило, жертвы в таких случаях как раз и превосходят достигаемые результаты.

Еще две формы агрессии стоят особняком от перечисленных выше. Во-первых, это *враждебная агрессия*, которая характеризуется целенаправленно-осознанным намерением нанесения вреда другому. Во-вторых, *инструментальная агрессия*, где цель действия субъекта нейтральна, а агрессия используется как одно из средств ее достижения. Понятно, что обе эти формы относятся к числу организованных, хотя внешне они подчас могут маскироваться под стихийное поведение толпы, повинувшись задачам управляющих ими сил.

Соответственно, общим законам подчиняются и механизмы воздействия на агрессивную толпу. Так, в частности, известно, что лишение толпы анонимности с помощью средств массовой информации (крупные планы в телерепортажах, позволяющие фиксировать лица участников толпы) препятствует росту ее агрессивности и даже способствует ее организованности.

Как и в любой толпе, важную роль в агрессивной толпе играют лидеры. Однако здесь есть одна существенная особенность. Прежде всего, велика роль лидеров как инициаторов восстания. Она уменьшается по мере увеличения толпы и усиления ее агрессивности – в таких ситуациях толпа становится наименее управляемой. Роль лидеров, таким образом, велика лишь до тех пор, пока вокруг них не образуется толпа, далее действующая по законам собственного, стихийного поведения.

В заключении, делая вывод, хотелось бы отметить, что к наиболее ярким видам массового поведения относятся паника и агрессия. Они имеют достаточно схожие условия и предпосылки возникновения. Основные различия между ними связаны с тем, что *паника* – это эмоциональная реакция на пугающий стимул, связанная, прежде всего, со страхом и желанием избежать столкновения с источником страха. В отличие от паники, *агрессия* – это действенная реакция на эмоциональное переживание непреодолимости каких-то барьеров, мешающих достижению цели. Если паника – способ пассивной самозащиты, то агрессия, напротив, представляет собой средство нападения. Паническая толпа озабочена, прежде всего, самоуспокоением. Агрессивная толпа озабочена достижением своих целей и «наказанием» тех, кто стоит, по ее мнению, на пути их достижения. Часто одни и те же внешние обстоятельства могут порождать как паническое, так и агрессивное поведение. Это определяется особенностями психологического состояния, в котором находятся в данный момент люди.